

УДК 821.161.1Б-31.091

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ

П.Д. БОБОРЫКИНА «ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ»

к. филол. н. Петренко Н. А.

Евпаторийский институт социальных наук РВУЗ «Крымский гуманитарный университет» (г. Ялта), Республика Крым, Евпатория

В статье анализируются особенности изображения женских образов в романе П.Д. Боборыкина «Жертва вечерняя», художественные средства, при помощи которых романист создает ряд ярких, оригинальных героинь. Отмечено, что образы положительных героинь являются носителями этического идеала писателя, имеют важное значение в раскрытии идейного содержания романа. Изображая вульгарных женщин-эмансипе, писатель изобличает уродливые проявления женской эмансипации. Он часто использует такие художественные приёмы, как зоологизмы, едкую иронию, сатиру, гротеск при описании внешнего вида, мимики, жестов, движений этих героинь. Сделан вывод о том, что автор выступает последователем художественной традиции реалистов в изображении женских образов, отражающих русскую действительность второй половины XIX века.

Ключевые слова: роман, натурализм, реализм, героиня, женские образы.

Петренко Н. А. Специфіка зображення жіночих образів у романі П. Д. Боборикіна «Жертва вечірня» / Євпаторійський інститут соціальних наук РВНЗ «Кримський гуманітарний університет» (м. Ялта), Республіка Крим, Євпаторія

У статті аналізуються особливості зображення жіночих образів у романі П. Д. Боборикіна «Жертва вечірня», художні засоби, за допомогою яких романист створює ряд яскравих, оригінальних героїнь. Відзначено, що образи позитивних героїнь є носіями етичного ідеалу письменника, мають важливе

значення у розкритті ідейного змісту роману. Зображуючи вульгарних жінок-емансіпе, письменник засуджує негативні прояви жіночої емансипації. Він часто вдається до таких художніх прийомів, як зоологізми, їдка іронія, сатира, гротеск при описі зовнішнього вигляду, міміки, жестів, рухів цих героїнь. Зроблено висновок про те, що автор виступає послідовником художньої традиції реалістів у зображенні жіночих образів, які відображають російську дійсність другої половини XIX століття.

Ключові слова: роман, натуралізм, реалізм, героїня, жіночі образи.

Petrenko N. A. Specific character of female image in P.D. Boborykin's novel «The Evening Victim» / Eupatoria Institute of Social Sciences RHEI «Crimean University for Humanities» (Yalta), Republic of Crimea, Eupatoria

The article deals with the features of the female characters in P.D. Boborykin's novel «The Evening Victim», the artistic means with the help of which the novelist creates a number of bright and original characters. The positive images of heroines are carriers of the ethical ideal of the writer and it has the important meaning in the revealing of ideological novel content that have been mentioned. Potraying women-emansipe, the writer exposes the ugly manifestation of women's emancipation. He often uses artistic means as zoologizms, caustic irony, satire, grotesque in the description of the appearance, facial expressions, gestures and movements of these heroines. The author is a follower of the artistic traditions of the realists in the female images that reflect the Russian reality of the second half of the XIX century that have been revealed.

Keywords: novel, naturalism, realism, heroine, female characters

Введение. П. Д. Боборыкин – оригинальный писатель II половины XIX века. Его творчество и сегодня представляет несомненный интерес для читателей и исследователей, поскольку этот автор в своих многочисленных романах, повестях, рассказах, пьесах, публицистических статьях проповедовал общечеловеческие моральные ценности.

Степень изученности творчества П.Д. Боборыкина невелика и носит эпизодический характер, несмотря на то, что его художественные произведения привлекали внимание многих критиков II п. XIX века и советских исследователей. Так, дореволюционные критики занимали разные (подчас радикально противоположные) позиции по поводу творчества писателя в целом и его женских образов в частности. М.К. Цебрикова, М.А. Протопопов, К.Ф. Головин, В.Е. Чешихин, З.П. Венгерова писали о героинях произведений П.Д. Боборыкина с восторгом, подчёркивая художественное мастерство автора в изображении женских характеров. Так, К.Ф. Головин в работе «Русский роман и русское общество», анализируя художественные произведения прозаика 60-80-х гг. XIX в., отмечает, что образы героинь автор «наделяет не только образованием и умом... но и самоотверженным великодушием...» [1, с. 397], честностью и свободомыслием.

В современном литературоведении типология и поэтика женских образов в творчестве П.Д. Боборыкина анализируются фрагментарно. **Цель статьи** – рассмотреть особенности создания второстепенных женских образов в известном романе писателя «Жертва вечерняя».

Главная героиня романа, Марья Михайловна, представительница высшего сословия России второй половины XIX века – яркий социальный тип. Характер, взаимоотношения с представителями разных слоёв общества обусловлены не только её темпераментом, но также её происхождением и социальным положением. Боборыкин не отделяет героиню от реальной жизни, связывает социальные проблемы с нравственными вопросами.

На жизненном пути Марья Михайловна встречает Лизавету Петровну – добродетельную, религиозную женщину (прототип – княжна М.М. Дондукова-Корсакова (см. [2, с. 20])), которая всё своё состояние отдала другим. Вдвоём они занимаются благотворительной деятельностью, посещают больницы, притоны и публичные дома. С помощью религиозно-философских и нравственных бесед, обучения Закону Божьему, грамоте, привития навыков

домоводства, Марья Михайловна и Лизавета Петровна пытаются воскресить души падших женщин.

В описании портрета Лизаветы Петровны особое внимание писатель обращает на её глаза, взгляд, улыбку, голос: «её глаза оглянули меня сразу... с какой-то пронизательной симпатией. Эти глаза сейчас же улыбнулись. Улыбка перешла на всё лицо. Рот... большой, некрасивый. Она его кривит немного, когда улыбается, но улыбка всё-таки выходит прекрасная» [3, с. 214]; взгляд: «посмотрела... безнадежным взглядом» [3, с. 241]; голос: «...женский, высокий, несколько дрожащий» [3, с. 213]. Выражение глаз, взгляд, улыбка наставницы Марьи Михайловны отражают её душевное состояние, помогают писателю ввести читателя во внутренний мир этой героини, раскрыть в полной мере её характер.

Существенным дополнением к целостному представлению о Лизавете Петровне являются детали её одежды. Говоря о гардеробе этой героини, писатель акцентирует внимание читателя на её бедности: «...надела какую-то ваточную кацавейку, прикрыла голову тёмной косынкой...» [3, с. 218]. Изображая такие детали одежды, писатель особое внимание уделяет семантике цвета. Так, в описании гардероба наставницы Маши преобладают серые и тёмные тона, что свидетельствует о её скромности.

Лизавета Петровна – личность, полная сострадания и сердечной отзывчивости. «Что значит доброта! Что значит настоящая, не подкрашенная искренность!» [3, с. 214], – записывает Марья Михайловна в дневнике. Она видит отличие Лизаветы Петровны от светских барынь: «...предо мной... в монашеском платье, без причёски, даже без воротничков, была женщина с таким изяществом тона, манеры, avec une telle distinction (с такой утончённостью), что я перед ней почувствовала себя кухаркой, чопорной мещанкой и сейчас же преклонилась пред её преимуществом» [3, с. 215]. Описания такого плана позволяют выявить высокие нравственные черты этой героини.

Чем ярче и богаче нравственная и внутренняя жизнь персонажа, тем богаче его язык. В разговоре Лизавета Петровна не прибегает к употреблению иностранных слов. Марья Михайловна в дневнике замечает: «Мы с ней говорим всё по-русски. Какой у неё славный язык! Этак ни одна наша барыня говорить не умеет» [3, с. 221]. Думается, что общение героини на родном языке указывает на её демократичность и близость к народу. Необходимо заметить, что до знакомства с Лизаветой Петровной Марья Михайловна стеснялась говорить по-русски. Например, в её дневнике мы находим такие высказывания: «Русский язык очень меня стеснил. Я, конечно, говорю; нахожу даже, что для вранья он иногда приятнее французского...» [3, с. 22] или «Я покраснела от непривычки говорить по-русски, фраза вышла у меня очень глупая...» [3, с. 99] и др.

Следует указать, что в отличие от Марьи Михайловны («во мне закралось недоверие к... мужскому уму» [3, с. 266]), Лизавета Петровна, несмотря на стремление к независимости, не мыслит своей деятельности без поддержки мужчины-развивателя. Так, она говорит Маше: «Без мужского ума нам прожить трудно» [3, с. 267]. Лизавета Петровна ищет опоры и руководства в мужчине, в ней подчёркивается её внутренняя незащищённость и слабость, а Маша считает, что необходимо жить и мыслить самостоятельно. Марья Михайловна видит и ошибки своей наставницы: «Душа её слишком переполнена идеей добра, чтобы останавливаться надолго на материальных вопросах» [3, с. 261]. Кроме этого, Лизавета Петровна убеждена, что «долг любви к душевным... страдальцам нельзя ставить рядом с исполнением своих семейных обязанностей» [3, с. 267]. Здесь её взгляды близки взглядам революционных демократов, которые, в первую очередь, выступали за общественное служение женщины, подчас в ущерб семейному.

После последней встречи с Лизаветой Петровной Маша окончательно решает уйти из жизни и не обманывать себя несбыточными мечтами. Она считает, что их благотворительность – это «толчение воды в ступе» [3, с. 268], а жизнь своей наставницы, «святой женщины» [3, с. 365] с «евангельским

сердцем» [3, с. 283], называет «беспробудным самообманом» [3, с. 365]. Марье Михайловне не свойственно чувство христианского всепрощения, близкое Лизавете Петровне.

В анонимной рецензии «Новаторы особого рода» М.Е. Салтыков-Щедрин иронически характеризует Лизавету Петровну, как «специалистку по части падших женщин... несчастную женщину», которая «не только ничего не *делает* (выделено Салтыковым-Щедриным – Н.П.) путного... но даже и говорит только пустяки...» [4, с. 43]. Мы относим её к типу женщины-«смиреницы», «крестовой сестры» (определение В.Н. Кардапольцевой) [5, с. 59], т.к. вся жизнь Лизаветы Петровны посвящена общественному служению. Она сама говорит о своей занятости: «...мало одной жизни!.. У меня день разорван на клочки... Я хотела бы жить не двадцать четыре часа, а втрое, вчетверо больше часов...» [3, с. 216]. Её жизненное кредо, главный этический принцип – жертвенность во имя спасения других. Лизавета Петровна олицетворяет нравственно-христианский идеал самоотречения, человеколюбия и долготерпения. Главные свойства её характера – скромность и искренность, стиль её поведения – простота. Этим она напоминает героиню романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история», Лизавету Александровну. Сам П. Боборыкин в письме к А. Измайлову так оценивает образ Лизаветы Петровны: «...порыв христианско-самоотверженного характера – на спасение падших – изображён в виде святой женщины...» [цит. по: 2, с. 20]. Отметим, что этот образ имеет важное значение, потому что без него не получила бы смыслового и композиционного завершения одна из идей романа – идея милосердия.

Марья Михайловна знакомится и с помощницами своей наставницы – Еленой Семёновной и Фешей. Её удивляет внешний вид школьной учительницы, Елены Семёновны: «...девушка очень странного вида. Я подумала, что это... нигилистка. На ней было почти такое же платье, как на Лизавете Петровне, только с воротничком. Длинные волосы в локонах зачёсаны были назад. Ни шиньона, ни косы, ничего!» [3, с. 218-219]. В портрете

учительницы особое внимание уделено описанию глаз: «голубые глаза», «бесконечные глаза» [3, с. 219]; взгляда: «прелестный взгляд» [3, с. 220]; улыбки: «тихо улыбнулась» [3, с. 219]; голоса: «заговорила тонким, почти детским голосом» [3, с. 219]. Благодаря таким эпитетам портрет Елены Семёновны может быть интерпретирован читателем как образ доброй, заботливой, справедливой и искренней девушки.

В наружности положительных героинь романа автор отмечает только то, что проясняет их душевные качества, преобладающие черты характера. Внимание Боборыкина сосредоточено на том, что выражают их фигуры и лица, какое впечатление они оставляют, какие чувства и мысли вызывают у Марьи Михайловны. Активизируя особенности портретной детали, автор отдаёт предпочтение самой выразительной – глазам. Примечательно, что именно глаза являются своеобразным кодом не только портрета, но и характера героинь, их внутренней жизни. Согласимся с исследователем В.В. Фащенко, который справедливо заметил, что «выражение глаз – один из давних сигналов о душе» [6, с. 94]. Добавим, что каждая деталь в портретах героинь свидетельствует об их скромности, честности, духовности, интеллигентности.

В романе «Жертва вечерняя» П. Боборыкин изображает и тип женщин-эмансипе. Это пошлые барыни, желающие казаться «новыми», передовыми, интеллигентными женщинами. Они понимают идеи эмансипации как «свободу нравов», вседозволенность, неосмысленное желание оригинальничать, нарушать принятые общественные правила, отличаться резкими манерами и образом мыслей. Эти светские женщины живут в своё удовольствие, равнодушно относятся к общественным проблемам. Похожий тип женщин-эмансипе изображают А. Герцен в «Былом и думах», А. Писемский в романе «В водовороте», И. Тургенев в «Отцах и детях», «Двух приятелях», И. Гончаров в «Обрыве», Н. Лесков в «Некуда», «На ножах», Н. Хвощинская в романах «В ожидании лучшего», «Недавнее» и др.

П.Д. Боборыкин выступает против вульгарной эмансипации, изображает эмансипе в сатирическом, почти карикатурном духе. Автор с ядовитой иронией

описывает таких женщин и отмечает, что на ночные оргии собираются «весёлые, добродетельные» [3, с. 161], «благочестивые жёны» [3, с. 156]. Светский сочинитель, Домбрович, иронично называет участниц афинских вечеров «самыми непроступными женщинами столицы» [3, с. 154]. С Марьей Михайловной он ведёт разговор о безыдейности, невежественности и испорченности русских светских женщин.

Хозяйку литературного салона, покровительницу писателей и поэтов, Плавикову Анну Петровну, главная героиня называет «педантка» [3, с. 15], «дрянь» [3, с. 18], «madame Спиноза» [3, с. 374], которая «страдает учёностью» [3, с. 14]. В своём дневнике Марья Михайловна с иронией описывает её манеры: «так и сыплет, точно царица в театре...» [3, с. 18]; «подняла на меня ещё раз “томительные взоры”, пожала руку и поплыла в большую гостиную» [3, с. 18].

Изображая образ Плавиковой, автор использует такие художественные приёмы, как зоологизмы, сатирические сравнения, метафоры, иронию («сложена, как кормилица. И всё жантильничает: головку направо, головку налево...» [3, с. 14]; «К ней жантильность идёт, как корове седло» [3, с. 16]; «...глядит на меня, улыбаясь, во весь рот... улыбка телячья, но не язвительная» [3, с. 15]; «зрачки закатились» [3, с. 17]; «так... на задних лапках и ходит» [3, с. 23]). С помощью такой портретной характеристики читатель легко может представить себе внешний вид и внутренний мир Анны Петровны Плавиковой. Боборыкин показывает читателю психологическое и духовное оскудение этой героини.

Черты характера Плавиковой ярко проявляются и в манере её разговора, тоне, интонации, отражающих излишнюю, наигранную чувственность, манерность: «запела» [3, с. 16], «разливалась» [3, с. 17], «отеческим тоном проговорила» [3, с. 16], «сладким тоном» [3, с. 16], «...так запищала, точно пятнадцатилетняя институтка» [3, с. 22]. Манера общения хозяйки литературного салона с сочинителями поражает Марью Михайловну своей неестественностью. Так, комизм образа Плавиковой раскрывается с помощью

воспроизведения особенностей её речи, статичности жестов, движений, мыслей.

Изображение другой светской знаменитости, Вениаминовой Антонины Дмитриевны, тоже даётся писателем в иронических и сатирических тонах. Она занимается благотворительной деятельностью, всячески стремится обратить на себя внимание в обществе. Марья Михайловна так характеризует её: «...слишком резка... всем говорит в глаза невозможные вещи. Я даже не нахожу, чтоб её резкости были умны» [3, с. 88]. Героиня называет Вениаминову «кухарка» [3, с. 92], замечает, что она «...так одевается, что её бы можно было принять за ключницу» [3, с. 88].

Авторское отношение к женщинам такого типа передаётся и через описание интерьера, обстановки, в которой они живут. Вениаминова настолько груба, что создаёт вокруг себя тяжёлую атмосферу: «...в её гостях, в прислуге, в детях, в мебели, в особом запахе, который стоит по комнатам, во всём есть что-то тяжёлое, подавляющее, что-то отзывающееся святошеством» [3, с. 91].

Марья Михайловна начинает осознавать ложь и лицемерие высшего общества: «...наш петербургский свет ползает не только перед Вениаминовой, но пред каждой душой *qui rose* (которая позирует – Н.П.)» [3, с. 88]. Да и сам Домбрович с издёвкой называет Вениаминову «добрая кумушка» [3, с. 96], считает, что важно знакомство не с ней, а с её гостями. Такие разноречивые оценки, данные героями «эмансипе», позволяют читателю составить представление как о характеризуемой, так и о характеризующих.

Жертвой неправильного воспитания и уродливой морали является и подруга Марьи Михайловны, Софи. Это легкомысленная, пустая женщина, не видящая вокруг себя ничего, кроме любовных увлечений: «Кроме тряпок и всякого вздору у неё никогда не было ничего в голове» [3, с. 11]. Маше не интересно общаться с Софи, она видит её духовную бедность: «Зачем я приближала к себе такую женщину? Ведь она олицетворённая пустота» [3, с. 13]. Марья Михайловна мечтает об умной подруге с мужскими привычками, которая не будет сплетничать и постоянно говорить о нарядах.

Большой интерес у главной героини романа вызывает также образ жизни танцовщиц, актрис, содержанок-француженок, к которым тянутся русские мужчины. Она специально знакомится с известной куртизанкой Петербурга, француженкой Clemence. Марья Михайловна так описывает её: «...высокая... в чёрном... вся в кружевах... Она меня поразила своим домино. Какая роскошь! И что за божественные духи! Я до сих пор их слышу...» [3, с. 35]; «Как она хороша! Какая турнюра, руки точно из мрамора. Глаза... подкрашены... Шея прелестная. Два, три крупных бриллианта...» [3, с. 39]. Заметим, что в описании француженки основное внимание уделено деталям одежды, дорогим украшениям и духам. Но за красивым внешним обликом этой героини скрывается духовная пустота и безразличие ко всему.

На одном из «афинских вечеров» Марья Михайловна знакомится с танцовщицей Капитолиной Николавной и обращает внимание на её «прекрасные глаза... очень яркие губы... бесподобные зубы» [3, с. 156-157]. Характерной особенностью изображения манеры поведения этой героини являются зоологические сравнения, например, «...все движения немножко кошачьи» [3, с. 156-157], «...прыгнула в угол, как кошка... металась из угла в угол, как... львица» [3, с. 170]. Такие художественные средства, как зоологические сравнения и сопоставления с кошкой и львицей, чрезвычайно важны для понимания сущности Капочки – изящной, грациозной, умеющей подать себя.

Портреты танцовщиц, содержанок-француженок несут основную характерологическую функцию контраста: прекрасная внешность противопоставлена их моральным принципам, они полностью зависимы от материальных ценностей. Портреты женщин высшего общества, француженок и содержанок сильно контрастируют с портретами Лизаветы Петровны, Феши и Елены Семёновны. Используя контрастное изображение, писатель создаёт противоположные по внешнему облику и внутреннему содержанию образы.

Выводы. Образы светских женщин-эмансипе, француженок и танцовщиц даны как статичные, без внутреннего развития. Они во многом похожи между

собой (лишены души и чувств, фальшивы, легкомысленны, расчётливы, корыстны и развратны). Суть этих женщин Боборыкин раскрывает через их разговоры, поступки, внешний вид. Писатель использует яркие краски для создания резкого контраста между внешним блеском и внутренней пустотой жизни светского общества. Этим «мёртвым» героиням писатель противопоставляет духовно богатую, пытающуюся найти смысл жизни Марью Михайловну и её духовную наставницу – Лизавету Петровну.

Образы «эмансипе», содержанок-француженок, светских литераторов отражают отношение самого Боборыкина к высшему обществу. В петербургских салонах, изображённых писателем, нет положительных героев. Великосветская обстановка, праздная, бесцельная жизнь развратили этих людей. Писателю удаётся глубоко проникнуть в суть изображаемой им среды: создав живые и цельные характеры, он достигает обобщения большого масштаба. Здесь автор выступает последователем художественной традиции реалистов.

Сказанным нами не исчерпываются дальнейшие перспективы изучения романа П.Д. Боборыкина. Он может быть интересен в плане детального анализа мужских образов, особенностей их создания в сравнении с другими писателями второй половины XIX века.

Литература:

1. Головин К. Ф. *Русский роман и русское общество* / К. Ф. Головин. – СПб.: Издание типографии А. А. Пороховщикова, 1897. – 472 с.
2. Мудров А. М. П. Д. Боборыкин в переписке с А. А. Измайловым / А. М. Мудров // *Известия Азейбарджанского государственного университета. Общественные науки.* – 1927. – Т. 8–10. – С. 12–24.
3. Боборыкин П. Д. *Сочинения: в 12 т.* / П. Д. Боборыкин. – СПб.; М.: Издательство товарищества М. О. Вольфа, 1885. – Т. 5: *Жертва вечерняя.* – 1885. – 388 с.

4. *Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Художественная литература, 1965. – Т. 9: Новаторы особого рода // Критика и публицистика (1868-1883). – 1970. – С. 36-47. [647 с.]*
5. *Кардапольцева В. Н. Женские лики России / В. Н. Кардапольцева. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. – 160 с.*
6. *Фащенко В. В. У глибинах людського буття. Етюди про психологізм літератури / В.В. Фащенко. – К.: Дніпро, 1981. – 279 с.*

References:

1. *Golovin K. F. Russkiy roman i russkoe obshchestvo / K. F. Golovin. – SPb.: Izdanie tipografii A. A. Porokhovshchikova, 1897. – 472 s.*
2. *Mudrov A. M. P. D. Boborykyn v perepyske s A. A. Yzmaylovym / A. M. Mudrov // Yzvestyya Azeybardzhanskoho hosudarstvennoho unyversyteta. Obshchestvennyye nauky. – 1927. – T. 8–10. – S. 12–24.*
3. *Boborykyn P. D. Sochyneniyya: v 12 t. / P. D. Boborykyn. – SPb.; M.: Yzdatel'stvo tovaryshchestva M. O. Vol'fa, 1885. – T. 5: Zhertva vechernyaya. – 1885. – 388 s.*
4. *Saltykov-Shchedrin M. Ye. Sobranie sochineniy: v 20 t. / M.Ye. Saltykov-Shchedrin. – М.: Khudozhestvennaya literatura, 1965. – Т. 9: Novatory osobogo roda // Kritika i publitsistika (1868-1883). – 1970. – S. 36-47. [647 с.]*
5. *Kardapol'tseva V. N. Zhenskie liki Rossii / V. N. Kardapol'tseva. – Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet, 2000. – 160 s.*
6. *Fashhenko V. V. U ghlybynakh ljudskogho buttja. Etjudy pro psykholohizm literatury / V. V. Fashhenko. – К.: Dnipro, 1981. – 279 s.*